ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. А. Михайлов

Нац«изм» в зеркале «назияза»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_4_Mikhailov.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

НАЦ"ИЗМ" В ЗЕРКАЛЕ "НАЦИЯЗА"

В.А.Михайлов

От редакции. Три года назад В.А.Михайлов, преподававший в то время политологию в одном из кишиневских вузов, выступил на страницах нашего журнала со статьей, в которой анализировались формы и этапы эволюции национального движения в Молдовии от начала перестройки ("Полис", 1992, № 4). В данной работе автор, продолжая теоретически осмысливать молдавский "материал", обосновывает идею о том, что один из плодотворных путей раскрытия природы современного национализма — экспликация категориального содержания национального "изма" (нац"изма") через его язык — "нацияз" как вариант оруэлловского "новояза".

Национализм представляет собой такую форму протекания экономических, политических и иных социальных процессов, которая всегда стремится преодолеть свое инобытийное состояние и обрести статус самостоятельной сущности. В развертывании национализма обязательно наступает момент, когда уже не национализм сопутствует социально–экономическим и прочим переменам, а сама общественная жизнь начинает "сопутствовать" процессу объективации национального "изма" (нац"изма"). Поэтому к изучению национализма можно подходить "извне", описывая его как "зависимую переменную" и воссоздавая причинно–следственный ряд в механизме "порождения целей". Но можно исследовать национализм и "изнутри", рассматривая его в качестве "независимой переменной" и реконструируя логику "целевого причинения". Ведь только в последнем случае встает важнейший вопрос о природе национализма. Представляется, что наиболее короткий путь к самопричиняющему ядру национализма пролегает через экспликацию категориального содержания национального "изма", отражаемого в его терминологии и языке ("нацияз").

В национализме нет более расхожего термина, чем "нация". П.Гиро, а затем С.Юл и Г.Хардан, опираясь на математическую статистику, вывели формулы, согласно которым многозначность слова пропорциональна частоте его употребления. В национализме термин "нация" благодаря своей многозначности наполняется всеобозначимым и всезначимым содержанием. С одной стороны, "нация" и ее производные ("национальные цели" и т.п.) постоянно сопутствуют человеку, а для этого они должны обладать вполне осязаемой и доступной каждому формой. С другой — "нация" должна быть повсюду, и потому она становится трудноуловимым для людей феноменом.

Таким образом, понятие "нация" в национализме имеет тенденцию терять свое социальное содержание. Кто–то предпочитает сводить его к биологической трактовке и, вольно или невольно, эволюционирует к расизму*, Кто–то упирает на моральный долг или вселенское происхождение нации**. А в целом "нация" из социально–политического понятия переводится в а– или в сверх–социальный статус, что рано или поздно одинаково оборачивается антисоциальной направленностью.

Националистическое сознание является массовым сознанием. Для абсолютного большинства людей коллективная форма представительства личных желаний и ус-

МИХАЙЛОВ Валерий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета.

*"Мы решили, согласно принятой у нас концепции вульгарного социологизма, что этнос — понятие социальное, родственное понятию класса и потому рукотворное... Это не так... Человек есть природа, и этнос (народ, нация) категория природная", пишет Дм.Балашов (см.1). Когда Р.Дмовскому, одному из лидеров польского национализма XIX в. ("Лига народова"), не хватало прочих аргументов, он извлекал последний: "...поляки отличаются от русских с расовой точки зрения" (2).

** Компартия Грузии, подстраиваясь под общественное мнение, поспешила записать в своем варианте "Концепции национального развития": "Стремление к национальной свободе и государственной независимости — священное право и нравственный долг каждого цивилизованного народа" (3).

тремлений весьма привлекательна тем, что позволяет в комфортной, безопасно–безличной оболочке представить на всеобщее обозрение свои самые сокровенные и затаенные (зачастую отнюдь не бескорыстные) мечты — выразить невыразимое. Но "массовизация" сознания есть одновременно и его "атомизация": чем отделеннее совокупный "изм" от индивидуальных сознаний, тем во все большей мере он начинает выступать в качестве отдельного явления. В национализме поэтому не только индивидуальное сознание теряет некоторые важные личностные характеристики, но и у массового сознания пропадают свойственные ему черты размытости, аморфности, бесформенности. Абстракция "нация" — по мере выдвижения национального вопроса на видное место в общественной жизни — начинает мыслиться и переживаться как самостоятельная личность, как целостный субъект исторического действия. Кстати, этим объясняются неизбывность и правомерность рассмотрения социально–психологических форм жизнедеятельности различных групп общества (в том числе и наций) по аналогии с психической жизнью индивида. Недаром психоаналитические выкладки имеют столь большое эвристическое значение для понимания межнациональных конфликтов, а работы Г.Лебона, Г.Тарда, К.Юнга и т.д. (несмотря на все претензии, предъявляемые к их научному статусу) — столь респектабельны в качестве первоисточников по проблематике массовых социальных движений.

* * *

Уже в конце 80–х годов в большинстве республик бывшего СССР, где развертывались национальные движения, их творческая интеллигенция формирует некоторое идеальное пространство ("население" — "народ" — "нация" — "род"*) и наделяет его такими свойствами (абсолютная ценность, вечность и проч.), которые позволяют отныне национальной принадлежности жить как бы самой по себе. "Человек массы" при этом отнюдь не перестает чувствовать и размышлять, но делает это теперь через опосредующий контроль сверхразума, сверхценности, сверхличности в виде официально оформленной национальной идеи. Нация — "высшая реальность" (из программы итальянской "Фаланги"), но только в мистическом "родстве по крови" можно достигнуть этого "высшего" (асоциального) единства нации.

Националистическая трактовка нации предельно выпукло характеризует точку зрения национализма на природу взаимосвязи "национального" и "социального", а следовательно, и сущности межнационального общения. Во всяком продвинутом национализме нации рассматриваются как монады, твердые и непроницаемые тела, которые постоянно сталкиваются, но в результате только взаимоотторгаются. Основная форма их связи — борьба и уничтожение, поскольку компромисс невозможен.

Здесь мы выходим на следующий важный для анализа национализма термин — "враг", с которым соотносится почти все логическое содержание понятия нации: чем крепче связи внутри нее ("Мы"), тем слабее и конфронтационнее они с "врагами" ("Они"), и наоборот.

Для национализма, в отличие от патриотизма**, идейно–политическое значение образа "врага", пожалуй, гораздо значимее самого понятия нации. "Враг" — зеркало, двойник всякого национализма. Символично самоназвание субъектов (коллективных лидеров) "советских" национальных движений — "фронтист" (Народный фронт Молдавии, Народный фронт Эстонии и т.д.), указывающее на бессмысленность и бесперспективность существования национализма без какого–либо фронта борьбы. "Враг", как и все употребляемые в нациязе понятия (точнее — образы), это собирательный и предельно расплывчатый термин и одновременно единичный и конкретный носитель опасности для нации. Конкретные "враги нации" меняются

* В Молдавии ведущий национальный поэт заявил тогда четко и честно: "Мы пытаемся поднять из руин поверженный монумент, имя которому — чувство рода" (Г.Виеру).

** Патриотизм ("созидающий" национализм) личностен, зиждется на любви, оборонителен; национализм ("отрицательный" национализм) — публичен, основывается на ненависти, наступателен, агрессивен. Патриотизм произрастает в культуре, ищет уроков, склонен к покаянию; национализм функционирует преимущественно в политической сфере, сводит исторические счеты, требует покаяния от других. Патриотизм убедителен, национализм принудителен. Патриот говорит: "Нам хотелось бы..."; националист кричит: "Мы требуем...".

постоянно, но присутствие врага неизменно. Обычная "стойка" националиста — "Аванте! Враги повсюду и где-то. Или стой неподвижно, или беги безоглядно".

Национализм, рождающийся в атмосфере неопределенности будущего и многократно усиливающий ее своим развертыванием, чрезвычайно оживляет чувство "временнóй перспективы" (К.Левин). Тревожное ожидание худшего становится ведущим способом ориентации в мире*. Поэтому у понятия "враг" — в силу огромного потенциала запугивания — не только большие возможности сплачивания, но с его помощью, кроме собственно интегративной, можно вполне сносно отправлять и все другие традиционные функции любого идеологизма, например когнитивную: только "враг" виноват в прошлых, настоящих и будущих бедах; на него списываются собственные промахи и неудачи. "Враг" превращается в универсальный объясняющий принцип. А вследствие того, что по тем или иным основаниям во враги можно записать кого угодно (вплоть до части собственной нации), предоставленный сам себе национализм имеет тенденцию к неограниченному распространению и обнаруживает безмерный и ненасытный характер.

Категория "враг" показывает, что у всякого "изма" есть низшая (индивид) и высшая (человечество в целом) границы, за пределы которых и на уровне которых идеология не может самовозрастать. Ведь по мере удлинения цепочки представительства интересов (индивидуальные — коллективные — общечеловеческие), во-первых, обозначается предел противостояния "другим", а во-вторых, нарастает напряженность — внутренняя (социальная и индивидуальная обезличка на фоне тяжелой формы национальной озабоченности) и внешняя (конфронтация с "ними"). Идеологизм успешно функционирует только на уровне узкогрупповом и обслуживает исключительно противоборство с другими группами.

Рассмотренная категория "враг", соотнесенная с понятием нации, дает возможность определить некую точку "Х" в процессе объективации всякого национального "изма", проходя которую патриотизм неизбежно перерастает в национализм (шовинизм). Когда Х.Сетон-Уотсон в работе "Национализм и коммунизм" (1964) сравнивает национализм с двуликим Янусом: одно лицо носит черты Гарибальди, а на другом — маска коменданта лагеря смерти, — то национализм здесь еще дается в статике, вне внутренней логики развития, без указания на основное направление его эволюции. А если проследить главный вектор практического воплощения национального "изма", то им окажется постепенный, но неуклонный процесс превращения угнетенного в угнетателя.

Маленькое отступление. Обычно подчеркивают "превращенный" характер идеологии, иногда высвечивают "извращающую" роль этого идейно-политического явления Нового времени. Мне же кажется, что идеология есть такая форма "преломления" действительности, где "превращенное" сознание составляет необходимое условие "преобразующего" действия. Если в отношении национального "изма" задаться вопросом, какой из глаголов способен наиболее точно описать его практическую функцию, то этим глаголом окажется "обострить" — вопрос, ситуацию, проблему, отношения и т.д. Отсюда (в известном смысле) идеология, не переставая быть "превращенной" формой сознания, выступает вместе с тем как зримое, рельефное, а главное — единственно убеждающее — отражение и выражение разницы в интересах (состоянии, силе и проч.) тех или иных социальных групп. "Искаженное" (преувеличенное) в данном случае предстает как выявляющее и уточняющее. Партийная (революционная) субъективность выступает как необходимый (пусть нежеланный и почти всегда неоправданный — с точки зрения морали и т.д.) способ преодоления квазинаучного (нейтрально-застойного) объективизма.

Но вопрос остается: где и при каких условиях патриотизм перерастает в национализм, т.е. "превращение" оборачивается "извращением"? В нашем случае в движении национализма была определена гипотетическая точка "Х", когда национальная

* Так, проекты законов о языках еще только обсуждались в Молдавии, а русскоязычное население в Приднестровье уже поднялось на упреждающие забастовки. Главным стал не текст (законов), а контекст (тенденции). В национализме даже ответ другому национализму становится реакцией на "далекое будущее". Национализм не может не плодить своих противников-двойников, в борьбе с которыми он легитимизирует свои притязания и укрепляет свое положение.

идея начинает объединять людей не "за", а "против". Причем следует усилить вышесказанное и заявить, что природа национализма изначально противоречива и двойственна: национальный "изм" носит в самом себе (да еще в качестве главного смыслообразующего ядра!) свою собственную противоположность, а именно — ведущий империалистический лозунг "расширение — это все". В борьбе с империализмом (действительным или мнимым) национализм рано или поздно сам наполняется шовинистическим духом и приходит к идеям "этнической чистки", "чистоты расы" и проч. Националистический способ "собирания" нации, возводящий национальную принадлежность в универсальную профессию, сам по себе не может не порождать противодействие, а следовательно, и "врагов", которые противятся и мешают "национальному возрождению".

* * *

"Нация" и "Враг" — примеры терминов, представляющих тот слой национального "изма", который принято называть националистической идеологией. Однако наибольший его массив представлен социально–психологическим пластом, который, в свою очередь, утопает в глубинах подсознания. Недаром в основании практически каждого национального "изма" мы находим Поэта, а не Мыслителя.

Как и любой "язык вызова", нацияз — преимущественно эмоциональное явление. С его помощью национализм очерчивает тот круг, границу которого "национализированный" человек ни в коем случае не должен переступать (чужое→чуждое→враждебное). Для него характерно не только засилье базисных слов (функция — зацикливание сознания на строго определенной, в данном случае — национальной тематике), но и дихотомичность самих слов: "Мы" ("Нация") — "Они" ("Враг") и т.д. Обычно подобная языковая антонимия возникает от антиномичности окружающей действительности. В национализме все наоборот — с помощью первой нацияз провоцирует вторую.

Наиболее представительной символико–категориальной парой данного структурного звена национализма являются понятия "Ада" и "Рая". В качестве терминов они редко используются в нациязе (сказывается специфика разбираемого уровня), зато в качестве архетипа националистического сознания присутствуют в любом из известных национальных "измов". С их помощью формируется общенациональная установка и задается общий ориентир в текущей жизнедеятельности нации.

Картины "Рая" (приукрашенного прошлого и идеализированного будущего нации) рисуют творческая интеллигенция, "Ада" (негативного прошлого и катастрофического настоящего нации) — конструируют политиканствующие диссиденты. "Рай" — зазывающе идеалистичен, "Ад" — отвергающе практичен. Общая тенденция в развертывании национализма состоит в переходе от стимуляции народного духа "Раем" (время "песенных революций") к подстегиванию его "Адом" (период межнациональной конфронтации и военных действий). Обещанный "Рай" отодвигается "на потом" и, как правило, очень рано изымается из лексикона нацияза или начинает употребляться исключительно в сослагательном наклонении ("если бы нам не мешали..."), т.е. — на фоне и в сопровождении понятия из "адского" арсенала ("Враг"). Таким образом, национализм, подчиняясь внутренней программе своего развития, способен перевести из возможности в действительность в основном "адовы" компоненты национального "изма" (страх, боль и т.п.).

"Ад" и "Рай", разумеется, резко контрастируют друг с другом (по принципу: чем беспросветнее покажется вчера, тем более радужным и желанным окажется будущее). "Мы", может быть, и обладали "Раем", но в прошлом. Теперь его заняли другие ("колонисты", "оккупанты" и т.п. — в "советском" варианте), сделав нас своими рабами. "Они" обладают "Раем" сегодня, а для "нас" все — в будущем. Но никак не может быть "Рая" для них и для нас одновременно. Рай для них — это ад для нас. Отсюда — могучий импульс к массовому действу во имя обретения земли обетованной. Главная идеологическая задача решается именно на этом уровне и состоит в том, чтобы: 1) нарисовать "Рай" и позвать в него народ; 2) напугать "Адом" и подтолкнуть нацию к бегству из него. Этим самым обеспечивается последовательное "движение": на основе существенного "сдвига" в сознании нации достигается

массовое "национальное движение", в результате которого, в свою очередь, производятся те или иные подвижки в социальных основах национальной жизни.

Таким образом, идеологизированное сознание — это не просто массовое сознание, это сознание движущейся массы. В.Райх в свое время отметил, что фашизм является своеобразным сплавом революционных эмоций с реакционными социальными идеями (4). Нац"изм" — такой же исполин–айсберг, в основании которого — разбуженное и растравленное национальное чувство, а верхушку венчает успокоительный националистический проект.

Известно, что всплески национализма по месту и времени совпадают с кардинальными социальными сдвигами в обществе. Сознание людей в такие эпохи крайне амбивалентно. Национальный "изм", редуцируя (рационализируя! = "Просвещение" по–нац"истски") картину мира до этноцентризма и межнациональной дихотомии, тем самым канализирует (направляет и ведет) вырвавшуюся на волю стихийно–эмоциональную массу. При этом важно отметить, что, внося в мечущееся массовое сознание биполярную (упорядочивающую) мировоззренческую установку, национализм порождает, по сути дела, новую систему регуляции сознания и поведения людей. Главное — изменяется механизм взаимосвязи индивидуального и общественного сознания: снижается роль и значение индивидуального рационального начала; индивидуалистическое подсознание, минуя индивидуальный разум, напрямую сопрягается с коллективной установкой; происходит сверхрационализация нерационального. На первое место выдвигаются волевые импульсы. Характерно, что национализм неизменно тяготеет к иррациональному течению в мировой общественной мысли. Один из признанных украинских националистов, тонко чувствовавший природу национализма, демонстрировал почти шопенгауэровский дискурс, когда указывал, что именно воля составляет "главный признак нации и основной пункт в националистической идеологии" (5).

* * *

Итак, национальный "изм" произрастает и нормально функционирует лишь в крайне зауженном логическом пространстве при одновременном обязательном расширении эмоционально–чувственного поля действия. Сознание здесь кризисное и конформистское одновременно (характерная черта "авторитарной личности", по Э.Фромму и М.Хоркхаймеру). Национализм просто вынужден провоцировать споры (а с ними и раздоры): какая нация "историчнее" и кто "арийнее"? В идеале национализму требуется ни на секунду не выпускать сознание людей из атмосферы всяческих тревожных сообщений. Поток национальной идеи должен достигать такой плотности, чтобы никто просто не в силах был воспринять чужую боль как свою, так как все вокруг обращается исключительно в собственную, постоянно ноющую рану.

Естественной языковой структурой для бушующего половодья эмоций становятся клише: "СССР — тюрьма народов", "интернационалист–шовинист" и т.д. Узость разума достигает предела, ибо основной единицей мысли становится лозунг. Система мировоззренческих категорий выстраивается между двух полюсов: "Нация", "Рай", "Мир", "Истина" и т.д. — "Враг", "Ад", "Война", "Ложь" и т.п. Дихотомия на уровне абстракции (застойность мышления) и безбрежный океан чувств (крайняя лабильность чувственно–эмоционального поля) отныне встречаются и взаимно питают друг друга.

Так как национализм — это, в основном, поведенческая форма мыследействия, то нацияз — при прочих равных условиях — вообще предпочитает пользоваться внеязыковыми средствами общения и убеждения, ибо именно они напрямую связывают национальную идею с подсознанием человека. В качестве показательного примера можно сослаться на знаменитые в Молдавии обличительные рисунки В.Курту и Б.Трифана — местных Кукрыниксов, а также на митинговые мероприятия типа молдавского "Великого Национального Собрания" (в иных местах это "Вече", "Курултай" и т.п.).

Запятнать, осрамить и этим вытравить альтернативный "изм", минуя все теоретические экскурсы, — изобретение не новое и используется в политике разными силами. Когда, например, некие лица (на обложке журнала "Столица", 1992, № 7)

поместили звездочку союзного герба на женском срамном месте, они сделали отвратительный, но беспроигрышный ход: святое отношение к советским государственным символам уничтожается навсегда и в любом случае (независимо от убеждений и характера реакции).

Молдавский национализм редко использовал подобные приемы, но эффективность нерациональных форм воздействия была не меньшей. В упомянутых рисунках Курту и Трифана можно было обнаружить весь арсенал нацияза: разделение "мы — они" (в виде противопоставления культурных символов — шапки и кушмы); показ вездесущности и экспансионизма "врага" (то это на все готовый советский солдат, то приднестровский злопыхатель–забастовщик, то лихой залетный казак); предупреждение об угрозе (Молдова — в образе беззащитной девушки перед вооруженным агрессором) и т.д. Благодаря такой бессловесной, но крайне доходчивой форме (используемой самыми читаемыми газетами и журналами) нац"изм" добирается до каждого человека и надолго оседает в его душе. Редукция языковых структур до чувственно–эмоциональных форм — еще одна тенденция в развитии национализма. В пределе речь становится фоном эмоций, логическое превращается в магическое.

Нацияз как средство массоводства наиболее зримую форму находит в националистических массовках. Великие Национальные Собрания (все слова — только с большой буквы!), неоднократно проводившиеся на главной площади Кишинева, — прекрасный тому пример. Это своеобразный "совет" народа. Тут происходит его "собирание" и "соборование". Здесь не только присутствует в сжатом виде вся нация, она действует. Это мини–революция, пролог, репетиция настоящей революции. Здесь как бы уже достигнуты все цели: народ един; нация переживает катарсис и предстает в новом качестве; предвкушается победа, ибо территория (площадь) уже очищена от "врагов", повсюду "наша" речь, "наши" знамена. "Ад" испарился, "Рай" воцарился. Хочется кричать от переполняющих положительных эмоций. Практическая цель подобных митинговых мероприятий в том и состоит, чтобы получить массово–положительное закрепление национализма. Конечно, отрицательные эмоции (страх, подозрения, обиды и т.д.) играют очень существенную роль в национализме, но они не могут быть закрепляющей основой национального "изма".

* * *

Теперь о некоторых других важных чертах нацияза, позволяющих уточнить категориальное содержание национального "изма" и углубить представления как о внутренней логике его развертывания, так и о характере его практического воплощения. Национальная идея находит себе адекватную среду обитания только в смещенном пространственно–временно́м континууме. "Нация" пребывает вне реального пространства–времени (в молдавском варианте она приходит откуда–то из времен дако–гетов и растворяется в каких–то заоблачных далях). Поэтому эпоха национального движения, когда национальный вопрос выдвигается в центр общественной жизни, а нация становится ведущим а́ктором политического действия, — по своему социальному содержанию всегда есть эпоха переходная. Национализм, разрушая старые межнациональные отношения, тем самым (опосредованно) изменяет (в основном, разрушает) и всю совокупность общественных отношений.

Чтобы началось подобное "национальное движение" по "смещению" социальных структур, необходимо, как минимум и в первую очередь, "сдвинуть" мировоззренческие ориентиры и главные точки опоры в сознании нации. Но народ сам не может восстать против самого себя, устоявшихся норм и сложившегося образа жизни. Нужна сила, которая бы помогла перевести народ из позиции "в себе" в позицию "для себя". Нужна сила, которая бы одновременно была нацией и стояла вне нации, выражала ее интересы и прививала ей новые, т.е. являлась бы как слугой народа, так и его господином. Таким образом, на уровне своего субъекта национальный "изм" обязательно двусоставен: во главе — лидер, активная часть, "контролирующее меньшинство" (Дж.Сартори); в подножии — основная и пассивная часть народа, "сочувствующие". Их связывает между собой закон зависимого ожидания: масса передоверила защиту своих интересов субъекту и теперь ожидает от него активных действий.

Наблюдается асинхронность* в социально–психологических, политических и иных подвижках: когда на уровне элиты уже происходит мировоззренческая переориентация, народ еще "спит"; когда субъект национального движения начинает самоорганизовываться, народ только–только пробует расстаться со старыми ценностями, и т.д. Поэтому содержание и структура национального "изма", а также лексика, морфология и проч. нацияза соотносятся не столько с когнитивной, сколько с нормативной, мотивационной и мобилизационной функциями идеологии. Народ приходится не только "вести", но и "тащить" за собой. Как выразился однажды в одном из доверительных интервью экс–лидер Христианско–демократического народного фронта и экс–премьер правительства Молдовы М.Друк, "народ — животное, его нечего спрашивать, его надо запрячь и кнутом гнать в нужном направлении" (6).

* * *

Пользуясь терминами инноватики, можно подчеркнуть следующий момент. Национальная идея распространяется по "телу" нации двумя "потоками". Первый — целенаправленный, плод деятельности субъекта. С этой стороны сознание нации в эпоху национального движения не есть продукт внутреннего развития, а составляет результат внешнего воздействия. Поэтому, хотя национальное движение по форме достаточно легитимно ("воля народа" приводит националистических вождей к власти, кладется в основу конституционного переворта и пр.), однако на деле эта воля не является вполне суверенной. Она "распределена": воля у народа, но ее суверенитет — в руках элиты; она направляема и управляема.

С другой стороны, диффузия национальной идеи представляет собой стихийный процесс. Достаточно указать на феномен трансформации новшества ("изма") в "цепочке распространения" (К.Роджерс), в результате которой национальный "изм" всегда выходит за пределы индивидуальных и коллективных интересов, возможностей элиты и даже всей нации. Отсюда национальная идея не только "входит" в народ иначе, чем в субъект (вносится извне, а не порождается внутри), но и "выходит" из него по–своему: нац"изм" здесь скорее "изнашивается", чем "выносится".

Основная тенденция развития национализма — все более полное и жесткое разделение на "наших" и "ненаших". Но чем строже проводится межэтническое размежевание, тем нечетче все другие социальные стратификации. Национальная гомогенность подминает под себя социальную, экономическую и прочие гетерогенности. В нациязе начинают соответственно преобладать этнокультурные термины. Наложенные на нейтральные к советской "пятой графе" области жизнедеятельности человека, они дают крайне искаженное представление о действительности**. Для обычного языка, описывающего многомерную реальность, понятийный аппарат на-

* Указанная асинхронность — лишь маленький штрих в характеристике многообразных структурных преобразований в национальном движении. По методу оппозиций можно было бы составить длинные таблицы, отслеживающие эволюционную взаимосвязь "составляющих" национализма. Примером может служить следующая табличка.

Этапы "советского" национального движения (НД):	*Зарождение и легализация:*	*Институализация и легитимация:*	*Огосударствление и раскол:*
Активная часть НД (главный элемент субъекта)	Творческая интеллигенция	Диссидент	"Перебежчик"
Социальное качество массы	"Нация"	"Толпа"	"Зритель"
Движущий мотив	Любовь	Ненависть	Зависть
Форма национализма	Патриотизм	Шовинизм	Национализм
Субъективный характер деятельности	Просвещение	Мессианизм	Популизм
Объективный характер деятельности	Созидание	Разрушение	Гниение
Идейно–политическая форма	Идеократия	Этнократия	Этакратия

** В политической практике это оборачивается неадекватными действиями. Например, национально озабоченный человек голосует на парламентских выборах не за личные качества кандидата в депутаты и не за предлагаемую им социально–экономическую программу, а просто за национальность претендента.

цияза совершенно непонятен: "коренной народ" в Крыму, это кто — крымские татары? русские (до 1954 г.)? украинцы (после включения полуострова в состав Украины)? Денотатный мир национализма включает в себя, в основном, идеализированные и вымышленные объекты.

Замкнутый на своих проблемах, национальный "изм" самодостаточен. Тем не менее, поставленный перед задачей убедить собственный народ, нейтрализовать "третью силу" и "обесточить" иноязычных, национализм не может не ввязываться в словесные дуэли. При этом нацияз все равно предстает главным образом как бесконечный и безудержный разговор с самим собой (монолог сумасшедшего). Господствует "радиофоническое слово" (В.Турбин): один говорит и ничего не слышит, все слышат и ничего не говорят. Действует схема, обратная культурной схеме наращивания информации: чем меньше знания, тем меньше и незнания. Основное средство критики — подмена понятий. Конечно, национализм в большинстве случаев вовсе не задается сознательной целью исказить или ограничить знание. Все гораздо проще, удобнее, а главное, неподсуднее. Нац"изм" эмоционально метит знание. Давая оценку информации ранее момента получения самой этой информации, он формирует внутреннюю "автоблокировку" на выработку и получение объективного знания. Естественно, на все предложения противной (и даже нейтральной) стороны следует лишь негативная, недифференцированная и отторженческая реакция.

Национальный "изм" сходен со многими другими формами нерационального сознания (миф, утопия, религия и т.д.). Можно выделить, например, мифологическую компоненту национализма: разделение жизненного потока на "священное" ("Рай") и "профанное" ("Ад") пространство; акты творения ("национальное возрождение", "возвращение к истокам"); ритуал и инициации ("Великое Национальное Собрание") и т.д. Само национальное движение можно рассматривать как героическую попытку восстановления "Нации", т.е. того изначального порядка, который ныне ослаблен и искажен. Поэтому естественно, например, что Штефан Великий, живший несколько веков тому назад, уже не столько предок, сколько современник*. Таким образом то, что для ненационалиста есть Порядок (исторически сложившаяся интернациональная структура населения страны и т.д.), — для националиста выступает как Хаос, который необходимо упорядочить, т.е. привести в соответствие с вновь обретенной сакральной ценностью.

В своей взаимосвязи с иными "измами" национализм агрессивен и экспансивен. В стремлении к собственному монизму он разрушает все встречающиеся на его пути цельные теории и учения. Это можно показать на примере фашизма — в отношении социализма и на примере национализма — в отношении религии. Так, любого националиста легко распознать по его бесконечной любви к "сакральным" словам: "Святая Русь", "Святой Штефан чел Маре", "Священная идея Воссоединения с Румынией" и т.д. Сверхчеловеческое измерение жизни требует соответствующего нечеловеческого языка. При этом национальный "изм" всегда дотягивает только до роли "эрзац–религии" (У.Матц), ибо в своем стремлении самому превратиться во всепоглощающую религию он чрезмерно политизирует ее, т.е. низводит до чисто служебной функции.

Если собрать и сравнить между собой многочисленные программы и заявления разнообразных националистических движений, высказывания и интервью их лидеров и т.д. (на протяжении всей эволюционной линии национализма), то обнаруживается знаменательный факт: чем "чище", т.е. развернутее тот или иной конкретный национализм, тем четче и ярче проступают в нем родовые черты национального "изма". В пределе, в максимуме своего развития каждый из национализмов делается похожим на другой до неразличимости. "Отцы нации" потому так и не любят друг друга, что видят в другом двойника, да еще в крайне неприятном для себя, "раздетом" виде. Отсюда также следует и то, что наиболее схожие национализмы будут и наиболее жестко сталкиваться. Логика саморазвертывания национального "изма" однонаправленна — к схватке за доминирование со своим антиподом–двойником.

Далее необходимо отметить, что национализм, стремящийся переустроить общество по максимуму национальных и минимуму социальных координат, неизбежно

* "Человек года" (1990) среди молдавских женщин — поэтесса Л.Лари в порыве националистического экстаза совершила обряд обручения с памятником Штефану Великому.

ставит перед обществом завышенные, а часто и запредельные цели*. Но такие цели, вместо приближения к ним, только отдаляются, ибо применяемые средства всегда неадекватны и приводят к иным (зачастую — обратным) результатам. Приходится поэтому все время радикализировать методы, а значит, многократно усугублять положение дел. Фатальное рассогласование целей, средств и результатов — *causa vera* развертывания национализма.

Националистическое стремление как можно быстрее объективировать национальный "проект" приводит к чрезвычайной субъективации всех общественных отношений. Основные сферы (экономическая и т.д.) теряют статус "основных" и начинают обслуживать потребности национального вопроса. Все переворачивается в таком обществе: в президенты попадают поэты и музыканты, экономика начинает работать на политические мифы и т.д. Тот же "советский" национализм оказался связанным с экономикой чисто отрицательным способом: он родился на волне кризисных явлений в социально-экономической области, функционировал на основе разбалансированной, самоедской экономики, да и производил, в основном, лишь тотальное внеэкономическое перераспределение собственности в пользу "союзной" номенклатуры.

Показательно, что наибольшее разрушающее воздействие национализм оказывает в сфере культуры, т.е. в той области, из которой он сам выходит (саморазрушение). Нац"изм", возводя культурные различия в универсалии, начинает культивировать в национальной культуре "национальное" в ущерб "культурному". А это оборачивается двойным эффектом: 1) взаимосвязь различных национальных культур отныне осуществляется преимущественно на отрицательном основании (анекдот — сплетня — клевета — мордобой); 2) национализм попадает в им же расставленные ловушки: стремление к чрезмерной национализации собственной культуры не только обескультуривает, но и денационализирует ее. У попавших в условия "чрезвычайщины", готовящихся к войне и тем более у воюющих народов все снивелировано: один и тот же милитаризованный фасон и цвет одежды, один и тот же образ жизни ("карточная система" и т.д.).

* * *

Итак, объективация национального "изма" производит в общественном организме кардинальную перестройку: упрощается (примитивизируется) социальная структура, общественное сознание редуцируется до архаических форм и т.п. Порождающая причинность перемещается в лоно субъективного фактора, так как с некоторых пор становится неважным вопрос о качестве и количестве причин, пробуждающих (с точки зрения внутренней логики развития национализм не порождается, а лишь пробуждается к самостоятельной жизни) национальный "изм". Он обеспечивает свое функционирование механизмом расширенного самовоспроизводства. Происходит "национификация" всей общественной жизни. Политическое устройство сводится к инверсии (в соответствии с установкой: "Мы жили под вами, теперь вы поживите под нами"). Таким образом, формы и этапы, тенденции эволюции и характер воздействия на общество национального движения (как внешней, явленной формы национализма) почти один к одному коррелируют с природой, структурой и чертами национального "изма" как внутреннего содержания национализма.

1. *Говоря откровенно. Заметки писателей о межнациональных отношениях*. М., 1989, с.24.
2. Цит. по: *Общественное движение на польских землях*. М., 1988, с.162.
3. "*Коммунист Грузии*", 1989, № 11, с.11.
4. Райх В. Массовая психология фашизма. — "*Свободная мысль*", 1992, № 10, с.117.
5. Ткачук Д. *Український націоналізм*. Прага, 1940, с.8.
6. "*Молодежь Молдавии*", 28.V.1993.

* Например, совокупный "советский" национализм поставил заведомо невыполнимую задачу: решить все национальные проблемы — проблемы всех народов — в первую очередь данного народа — в самые короткие сроки именно для этого народа.